

Джером К.
ДЖЕРОМ

ПОРТРЕТ

«Портрет» — популярное эссе Джерома Клапки Джерома, выдающегося британского писателя-юмориста (1859–1927).

Остановившись проездом в гостинице одной из деревушек, автор в книжном шкафу случайно находит портрет молодой девушки, лицо которой ему очень знакомо, но вспомнить, где и когда он ее видел, он не мог. Джером Клапка Джером — признанный мастер слова, внимательный наблюдатель за жизнью, тонко и негрубо описывающий даже неприглядные стороны жизни. В наследии Джерома Клапки Джерома множество произведений: «Сила привычки», «Кое-что о рассеянности и забывчивости», «Женщина, способная очаровывать», «Дух Уайбли», «Джэк Берридж», «Увлекающийся человек», «Неудачливый человек», «Мистер Пирамид», «О модах и еще кое о чем», «Город на дне моря».

Джером К. Джером Портрет

У меня была срочная работа, но я никак не мог приняться за нее. Чем сильнее теснила меня необходимость приняться за работу, тем упорнее я отлынивал от нее. Не раз садился я за письменный стол с твердым намерением взяться за дело; но, тщетно поборовшись с непокорной мыслью, не желавшей дать направить себя в известное русло, я хватался за книги и углублялся в них. Одно сознание, что надо мною тяготеет обязанность сделать то-то к такому-то сроку, тяготело надо мною как неумолимый рок, портило аппетит и сон, не давало нигде покоя, — словом, преследовало и мучило меня тяжелым кошмаром.

Наконец, почувствовав, что мне может помочь только полное уединение от всех столичных развлечений и соблазнов и ничем не нарушаемая тишина, я решил отправиться на время в йоркширские леса, где можно проходить целый день, не встретив ни одной человеческой души, не услышав ни одного голоса, кроме крика каравайки, где, лежа на пышной зеленой траве, слышишь биение земного пульса, трепет земного шара при его стремительном беге по небесному пространству.

И вот в одно прекрасное раннее утро торопливо, опасаясь, как бы кто-нибудь или что-нибудь не помешало мне, я уложил все необходимое в свой дорожный чемодан и к ночи уже находился в маленьком северном городишке, расположенном на границе больших, поросших вереском пустошей. На следующее же утро я сидел рядом с одноглазым возницей на примитивной тележке, запряженной пегой лошадкой. Одноглазый возница помахивал своим бичом над головой пегашки, которая добросовестно перебирала ногами и несла нас все дальше и дальше от железнодорожной линии — последней грани цивилизации в этой области. Все ближе и ближе надвигались замыкавшие ландшафт горы, пока наконец не обступили нас со всех сторон. Среди этих неподвижных громад только три живых существа — возница, я и лошадка — представляли незаметное движущееся пятнышко.

Поздно вечером я очутился в маленькой деревушке, раскинувшейся в треугольнике, образуемом горами. Этого глухого местечка не достигал даже телеграф, чтобы принести сюда отголосок шумного мира. Лишь изредка, раз в неделю, тут появлялся этот же одноглазый возница со своей смиренной скотинкой и оставлял местному постоялому двору несколько писем и посылок, за которыми потом приходили адресаты, жившие в разбросанных кругом усадьбах.

Посреди селения встречаются два быстрых горных ручья, плеск и журчание которых слышны днем и ночью, потому что тут и дни несколько не шумнее ночей. Именно здесь и можно отдохнуть человеку, выведенному из душевного и умственного равновесия раздражающим шумом лихорадочной столичной суеты.

Мой одноглазый возница посоветовал мне искать приюта в доме некоей миссис Колмондли, вдовы, жившей вместе со своей единственной дочерью. Она сдавала туристам, изредка забиравшимся в этот мирный уголок, комнату со столом.

Маленький коттедж, полускрытый за розовыми кустами, имел очень поэтичный и приветливый вид. Я ожидал увидеть в нем полную, румяную, добродушную и приветливую хозяйку, а возле нее — молодую, розовощекую и лучезарную девушку. Но обманулся в своих ожиданиях.

Если самый коттедж был обставлен довольно уютно и даже с некоторым комфортом, то его обитательницы производили далеко не подкупающее впечатление. Старшая оказалась пожилой, высокой, тощей женщиной с морщинистым лицом и подслеповатыми, выцветшими глазами. Младшая же, тоже лет за сорок, с острыми чертами лица и кислым выражением, несколько не отличалась от тех типичных старых дев, которыми кишмя кишат большие города и которые являются воплощенным протестом бесцельно прожитой молодости и разбитых грез.

Моя комната выходила на дорогу, змеившуюся между высотами, и также имела в себе все, чтобы чувствовать себя «как дома». Разложив свои книги, бумаги и письменные принадлежности на довольно большом столе, поставленном у открытого окна, я тотчас же после завтрака, на другой день по приезде, приготовился было работать.

Но не успел я приступить к делу, как взор мой случайно остановился на прижавшемся к боковой стене небольшом книжном шкафу, за стеклянной дверью которого виднелись книги. Эти книги притягивали меня магической силой. Я вскользь заметил их еще раньше, но почему-то тут же забыл про них. Теперь же они возбудили мое любопытство до такой степени, что я бросил перо, встал и подошел к шкафу.

В замке оказался маленький ключ. Я повернул его, дверка отворилась, и передо мною открылось несколько полок, плотно уставленных книгами в самых разнообразных переплетах и в одних пестрых бумажных обложках. Собрание было очень пестрое: рядом с томиками стихотворений известных поэтов ютились произведения авторов, о которых я никогда не слышал, журналы за давно истекшие годы, «альбомы», «ежегодники», бульварные романы со «страшными» заглавиями и разные «чувствительные» повести. На верхней полке я заметил и «Ночные размышления» Юнга.